

ГДЕ-ТО ЗА ПРЕДЕЛОМ

ИЛЬЯ СКАЛИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Сергеевич Скалин

Где-то за Пределом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55168153

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-06009-8

Аннотация

Психиатрическая клиника – одно из самых страшных мест куда может попасть человек. Зачем же тогда добровольно стучаться в её двери? Что ищет здесь Антон Дюран? Он даже не замечает того момента, как из охотника превращается в жертву.

"Чистые души" – название таинственной клиники, откуда бесследно пропадают пациенты. Какие секреты скрывают стены старого здания? О чём умалчивают работники в белых халатах?

Роман, где на каждой странице скрыта новая тайна. Ружья развешены на стенах, и каждое из них обязательно выстрелит... рано или поздно.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
1	9
2	17
3	19
4	25
5	33
Глава 2	35
1	35
2	40
3	43
4	47
5	49
Глава 3	51
1	51
2	58
3	63
4	65
5	70
6	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Илья Скалин

Где-то за Пределом

Пролог

«Follow the white rabbit»

В государственной психиатрической клинике «Чистые души» не было комфортабельных одноместных VIP палат. В тускло освещённых комнатках одновременно ютилось по шесть-семь человек. Вдоль обшарпанных стен впритирку стояли древние, истерзанные ржавчиной койки, разделённые узким проходом, прикрытым полосой затёртого до дыр линолеума. Virtuозно выражаясь и истово матерясь, хмурые санитары с трудом маневрировали каталками в этих тесных коридорчиках под насмешливыми взглядами безумных постояльцев.

Большинство пациентов наплевательски относились к личной гигиене, а некоторые и вовсе были не в состоянии потерпеть зад, не запачкавшись. Непривычные к местному микроклимату студенты и редкие посетители надолго отбивали себе нюх, заходя в переполненные палаты и погружаясь в густые волны прокисшего пота, сдобренного едким душком не смененных вовремя подгузников.

Но, несмотря на критическую нехватку мест, в двести семнадцатой палате стояло лишь две койки. Одна из них пустовала уже много лет, а вторую занимал пожилой сухопарый мужчина. Он не был знаменит или богат. Среди его близких не было самоизбранных законотворцев, толстосумов в малиновых пиджаках или батюшек разъезжающих на чёрных немецких колесницах, которые могли бы негласно премировать директора и медперсонал клиники за особое отношение к приболевшему родственнику. На деле у единственного обитателя двести семнадцатой палаты не было никого и ничего. Медный нательный крестик, висящий на потрёпанной засаленной бечёвке – вот всё его имущество.

Он обескуражено брёл по набережной, вызывая ехидные ухмылки молодёжи и румянец на дряблых щеках пожилых дам, когда его подобрал полицейский патруль. Никто бы не обратил излишнего внимания на прогуливающегося мужичка, если бы на нём было надето что-то ещё помимо небрежно натянутых худых семейников. Он не сопротивлялся и безропотно позволил себя усадить в полицейскую машину. Вместо слов из его рта вылетали только бредовая сумятица жёваных звуков и малоинформативное мычание. Недолго думая, патрульные отвезли беднягу в ближайшую психиатрическую лечебницу.

– Ваш клиент. Разбирайтесь сами, – сказал один из полицейских, пихнув полуголого мужчину в руки растерявшейся уборщице. Она не успела ни слова пискнуть, как за патруль-

ными захлопнулась дверь.

Был томный летний вечер воскресенья. Полицейские радовались, что им так быстро удалось избавиться от лишней работы, свалившейся под конец смены. Перепуганная уборщица, опрокинув ведро с водой и бросив швабру, мчалась по коридору, выкрикивая имя дежурного доктора. Мужчина, покрывшись мурашками, стоял в холодной грязной луже посреди холла психиатрической клиники. Ему было всё равно.

Естественно, никаких документов при нём не было. Человек без имени и возраста. Родственники и друзья его не искали, а если и искали, то не нашли. В документации клиники он значился, как пациент № 3028, но все звали его Стариком.

Он практически не выходил из состояния каталептического ступора – по-крайней мере, так было написано в его медицинской карте. Его кормили с ложки, на инвалидной коляске отвозили на процедуры, как ребёнка укрывали одеялом перед сном. Иногда в хорошую погоду вместе с другими пациентами, которым были разрешены прогулки, выводили во внутренний двор больницы, понежиться под солнечными лучами и проветрить лёгкие от затхлого воздуха клиники, пропитанного миазмами уныния и безысходности.

Старик оставался молчалив и ко всему безразличен. Почти... Оживлялся он лишь при виде мух. Заливался диким ревом всякий раз, как замечал шестилапых падальщиц. Диптерофобия – повторяли доктора на консилиумах и качали своими умными головами.

Поначалу к Старику пытались подселать товарищей по несчастью, но уже после первой ночи они впадали в неистовство, устраивали истерики, бросались на медперсонал, ползали на коленях, лишь бы их перевели в другую палату. Пусть в забитую до отказа хохочущими аутистами, пусть в компанию лежачих больных смердящих подгнивающими пролежнями, да хоть в отделение к буйным. Узнав, что его ждёт переезд в двести семнадцатую палату, особо впечатлительный парень, по прозвищу Ничоси, прокусил себе ладонь, чтобы гарантировано заночевать в изоляторе.

Никто из пациентов не мог внятно ответить на вопрос – в чём дело? Малыш – здоровенный бугай с интеллектом трёхлетнего ребёнка – замученный расспросами врачей, размазывая по щекам сопли и слёзы, раскачиваясь и беспрестанно мотая головой, прошептал:

– Я боюсь, что она узнает.

Лишь ещё сильнее озадачив докторов, больше он не проронил ни слова. Спустя пару дней во время обеда Малыш сел в углу столовой, с силой пропихнул себе в горло ложку, смял гортань и тихонько умер, сжимая в пудовых кулаках плюшевого динозавра.

Старик состоял на попечении клиники уже пятый год. Его первый лечащий врач был молод и полон энтузиазма. Он решил провести ночь в двести семнадцатой палате вместе со своим подопечным, чтобы узнать, что же доводит до пароксизмального ужаса других пациентов. Утром, ни с кем не

разговаривая, доктор ушёл домой и перерезал себе вены. Порезы получились аккуратными и ровными, всё-таки в институте он был одним из лучших на своём курсе. У кое-кого из его бывших коллег в головах крутились мысли о возможной причине его скоропостижного ухода из жизни, но никто так и не решился их озвучить. Потом кто-то принёс сплетню, что как раз в тот день несчастного бросила девушка, жестоко разорвав отношения, и это окончательно похоронило шальную идею о причастности Старика к смерти молодого доктора.

Новый мозгоправ пациента № 3028 был не столь любопытен. Назначил горсть таблеток, и пару раз в неделю заходил к Старику, чтобы лично убедиться, что тот ещё коптит небо.

После очередного скандального конфликта с родственниками одного из пациентов, чьё состояние резко ухудшилось после ночёвки в злосчастной палате, в неё решили больше никого не заселять. Незачем подливать масла в огонь. Радовались, что хотя бы Старик там прижился.

Постепенно жизнь клиники вернулась в привычное русло, но костёр слухов так и не угас. Пациенты сторонились тихого безобидного Старика. Зато он нравился медперсоналу, так как не создавал лишних проблем, послушно принимал лекарства и большую часть дня спал. Спал днём, потому что по ночам приходила она.

Глава 1

1

– Обычно пациенты поступают к нам через другой вход, а добровольно на моей памяти и вовсе никто не приходил.

– Я решил, что нет смысла ждать, когда ваши ребята сами постучат в мою дверь, позвякивая ремнями смирительной рубашки.

Медсестра пододвинула к себе толстую пачку документов, пытаясь намекнуть на то, что у неё и так полно работы.

– В любом случае, вы не должны здесь находиться. Это корпус для персонала.

– Остальная территория окружена высоким забором с колючей проволокой, ворота заперты. Я долго стучал, но никто не отозвался.

– Вас это удивляет? Тут не бывает «дней открытых дверей».

– Ваша была открыта.

Девушка поджала губы, понимая, что простой отказ мужчину не удовлетворит. В своём потёртом сером пиджаке с нашивками из кожзаменителя на локтях и с нелепым старомодным дипломатом, он был похож на коммивояжёра, от которого рассеяно отмахиваешься на улице, когда он выскаки-

вает из-за угла с вопросом: «У вас есть дети? Не желаете за- дешёво приобрести большую иллюстрированную энциклопедию о жизни рогатых лягушек или Библию в комиксах?» К сожалению, в данной ситуации также легко отмахнуться не получится.

– Хорошо! Как вы сказали ваше имя?

– Антон.

Девушка вопросительно задрала брови, не услышав ни фамилии, ни отчества. Да и имя скорей всего вымышленное. Но сейчас это не имело значения. Она не собиралась долго расшаркиваться перед этим заносчивым типом.

– Антон, сначала вам нужно обратиться к своему участковому психотерапевту или в психиатрический диспансер, пройти обследование, сдать анализы. Если там решат, что вам нужна стационарная помощь и направят именно к нам – милости просим.

Заученная фраза слетела с губ скороговоркой, но в первый раз она произносила её не в телефонную трубку.

– Вы запомните или вам записать порядок действий?

Мужчина отрицательно мотнул головой.

– Это очень долго. Я не могу столько ждать. У меня очень тяжёлый случай, – ответил он и обаятельно улыбнулся, что совсем не вязалось с его словами.

– Правда? И что же с вами случилось?

– Я с удовольствием расскажу вам, как-нибудь в больничной столовой при свечах за кружечкой компота. Но сейчас

мне нужно поговорить с кем-нибудь из докторов.

Глаза девушки сверкнули за линзами очков. Она поднялась со стула. Ей стало не комфортно, что этот странный мужчина смотрит на неё сверху вниз. Стараясь оставаться вежливой, она изогнула губы в подобие улыбки.

– Согласна, ваша идея, действительно, бредовая, но полагаю, что в нашей помощи вы не нуждаетесь.

Мужчина положил дипломат на стол и придвинулся к девушке. Она увидела, что кожа его правой кисти покрыта белесыми буграми и шрамами, как после глубокого плохо зажившего ожога.

– Почём вам знать? Вы можете залезть мне в голову? Собираетесь отпустить меня на четыре стороны, сочтя за здравомыслящего человека? А я, возможно, тем временем представляю, как аппетитно будет скворчать ваша порезанная ломтиками грудь на сковороде, – осклабился мужчина, переводя бесцеремонный взгляд на внушительный бюст девушки, где висел бейдж с её именем. – И этот навязчивый образ может возбудить во мне непреодолимое желание встретить вас сегодня после работы. Понимаете меня, Анечка?

Рука девушки невольно поднялась, прикрывая туго обтянутую халатом грудь, но Анна тут же одёрнула себя. За восьмилетнюю рабочую практику, она видела много агрессивных и опасных душевнобольных, слышала в свой адрес сонм изошрённых проклятий и угроз. У неё давно выработалась привычка не принимать всё это близко к сердцу. Но Антону

удалось задеть в её душе тревожную струнку. Может потому что он не был похож на сумасшедшего? Как бы то ни было, девушка пообещала себе, что если он всё-таки станет одним из её пациентов, она позаботится о том, чтобы жизнь, проведённая в клинике, снилась ему в кошмарах до самой смерти.

Анна ухмыльнулась своим мыслям.

– Ладно... Будем считать, что я поверила, но теперь вам нужно убедить кого-нибудь из наших докторов. Присядьте, я посмотрю, кто на данный момент свободен.

На секунду Антон замешкался, но его голос остался твёрдым.

– Я хочу, чтобы меня принял доктор Кирцер.

Анна нахмурилась и неодобрительно посмотрела на мужчину. Уж больно много условий он ставит. Она и так нарушала заведённый порядок, пообещав ему устроить консультацию психотерапевта. Тем не менее, девушка не удержалась от вопроса.

– Почему именно Кирцер?

– Я читал – он у вас тут самый толковый. Мне кажется, он достаточно квалифицирован, чтобы решить мою проблему.

– Ну, конечно, ведь ваше положение настолько затруднительно, что любой другой психотерапевт лишь в растерянности разведёт руками.

– Именно так.

В серых глазах Антона девушка увидела решительность и отблеск потаённой злости. Он всё больше и больше не нра-

вился ей, но хуже того она почему-то шла у него на поводу. Взгляд скользнул по чёрной трубке радиотелефона. Может пора уже вызвать охрану и распрощаться с назойливым визитёром?

– Тогда вам придётся подождать. Доктор Кирцер сейчас на совещании.

– Хорошо. Мне торопиться некуда.

Мужчина прошёл в противоположный конец холла и уселся на один из металлических стульев, стоящих вдоль стены. Каждый стул был намертво привинчен к полу. Дипломат, в котором лежали документы на имя Антона Дюрана, статьи из несуществующей газеты и кое-какие фотографии, он положил себе на колени.

Анна краем глаза наблюдала за ним. Этот невысокий и в целом ничем не примечательный мужчина, поражал её своей самоуверенностью. Сейчас они были по разные стороны баррикад, и его наглость раздражала, но встретиться они при других обстоятельствах, наверняка ей захотелось бы познакомиться с ним поближе.

Антон, наоборот, потерял к девушке всякий интерес. Откуда-то из-под потолка лилась успокаивающая классическая музыка. Стены пестрели репродукциями знаменитых пейзажистов. Антон не разбирался ни в музыке, ни в живописи. Через полчаса разглядывания носков собственных ботинок, несмотря на внутреннее напряжение, он заскучал и начал клевать носом. Поэтому, когда входная дверь резко распах-

нулась, с грохотом ударившись о стену, он дёрнулся, уронил на пол дипломат и сам едва усидел на стуле.

В холл ввалились два дюжих санитаров, таща под руки вырывающегося щуплого мужчину в рваном клетчатом костюме. Где-то он потерял правый башмак. Через дыру в носке сверкала грязная пятка, которой он попытался пнуть отвлекшегося конвоира.

– Анна, принимай дезертира, – запыхавшись, произнёс полный санитар с рыжей шевелюрой. У него был довольно высокий голос для мужчины такой комплекции. Он раскраснелся, на висках блестели капли пота. Было видно, что ему сложно удерживать хаотично машущего конечностями мужчину, который впрочем, был вдвое меньше его.

Мужчине удалось вырвать руку, и он почти ухватил санитаров за рыжие лохмы, прежде чем его опять скрутили.

«Сумасшествие придаёт сил», – восхитился Антон.

– Почему не через приёмник и в таком виде? – зашипела на санитаров девушка, косясь на Антона, с интересом наблюдающего за суетящейся троицей.

– Так сподручней и к палатам ближе, его ведь не надо второй раз оформлять. К тому же кое-кто решил, что укладку брать с собой не обязательно, – ответил рыжий и недовольно зыркнул на своего напарника – лысого богатыря с трёхдневной щетиной и длинным кривым шрамом, бороздящим левую щеку.

– Господин Васильков, как же я рада, что вы решили вер-

нуться, – натянув фальшивую улыбку, обратилась Анна к худощавому мужчине. – Ваша койка всё ещё свободна, но сначала вам придётся успокоиться и подумать о своём поступке в изоляторе.

Продолжая барахтаться в руках санитаров, Васильков плюнул в сторону девушки, за что тут же получил кулаком в живот. Он согнулся, предъявив окружающим содержимое своего желудка. Отхаркнув горькую слюну, Васильков поднял голову и только сейчас заметил Антона. Его глаза удивлённо расширились. В этот момент лысый богатырь с явным удовольствием заломил ему руки и Васильков взвыл. Санитары, как ни в чём не бывало, продолжили тащить беднягу через холл.

– Не позволю больше издеваться над собой! Так или иначе, они прекратят мои страдания! Вы даже не представляете, кто ходит среди вас! – захлёбывался криком Васильков.

Его вопли и брань были слышны ещё какое-то время после того, как закрылась дверь в конце холла, куда его затолкали санитары. Улыбнувшись Антону, Анна покрутила пальцем у виска, как бы говоря: «ох уж эти психи». Девушка взяла радиотелефон, нажала пару кнопок.

– Пришлите уборщицу в холл, – коротко бросила она в трубку.

Разыгравшаяся драма не вызвала у Антона сильных эмоций. Всё-таки это психиатрическая клиника, наверняка, подобные инциденты тут в порядке вещей.

– Вы же говорили, что через эту дверь пациенты не поступают, – сказал он.

– Я сказала – обычно не поступают. Наши постоянные гости имеют некоторые привилегии, – холодно ответила Анна.

2

Спустя полтора часа Антон начал подозревать, что никакой конференции нет, и Анна водит его за нос, наивно дожидаясь, когда он сдастся и уйдёт сам. Ну уж нет! Или он добьётся желаемого, или его придётся выдворять отсюда, предварительно обколов транквилизаторами. Что впрочем, лишь подчеркнёт его ненормальность.

За спиной девушки располагалась широкая лестница с чёрными чугунными перилами, ведущая на второй этаж здания. Несколько раз сверху раздавался нездоровый истерический смех, но Анна не обращала на это внимания, увлечённо перебирая документы на столе.

– Что это было? – спросил Антон.

– Конференция в самом разгаре, – не отрываясь от бумаг, пробурчала Анна.

– Весело у них там.

Девушка не ответила, но подарила Антону хмурый взгляд исподлобья.

Постоянно приходили какие-то люди – судя по всему, сотрудники клиники. Анна перекидывалась с ними весёлыми репликами, передавала ключи, документы и беспрепятственно пропускала через свой пост. Когда в холл чинно вошёл крупный седой мужчина с залысинами в тёмно-сером флисовом пальто, Анна остановила его, что-то зашептала.

Мужчина медленно повернулся, окинул Антона оценивающим взглядом, еле заметно качнул головой.

– Хорошо, – сказал он Анне, мягко отодвинул её в сторону и неторопливо поднялся по лестнице, постукивая кончиком зонта-трости по ступеням.

Спустя ещё полчаса, когда Антон уже собрался обсудить с Анной вопрос о длительности медицинских конференций, в холл спустился давешний седой мужчина. Только на этот раз он был в медицинском халате и узких прямоугольных очках. Подойдя к Антону, он сказал:

– Здравствуйте! Меня зовут Артур Херш. Я являюсь директором этой богадельни.

Он протянул руку для приветствия.

– Я так понимаю, у вас возникли к нам какие-то вопросы. Предлагаю обсудить их в моём кабинете.

В кабинете директора царил идеальный порядок. Спартанская обстановка: большой стол, пара коричневых кожаных кресел, металлический шкаф и стеллаж с книгами и медицинскими журналами, некоторые из которых даже не были вынуты из упаковочной плёнки. Стены обиты панелями из светлого дерева. На стене позади стола висели два светильника – опустившие голову бутоны хрустальных колокольчиков. В углу сох раскрытый зонт, с которого стекали капли первого осеннего ливня. В одном из кресел лежала сумка для ноутбука. Никаких украшений: ни фотографий, ни статуэток, ни других приятных мелочей.

– Присаживайтесь, – Херш кивнул на пустое кресло. – Горячительного на работе не держу, но могу угостить вас чаем или кофе.

Антон слегка опешил от дружелюбия директора.

– Вы со всеми пациентами так себя ведёте? Приглашаете к себе? Предлагаете напитки?

– Конечно, нет, – хмыкнул директор и пристально посмотрел на Антона. – Но давайте на чистоту, вы ведь не пациент и вряд ли им станете.

– Почему вы так решили?

– За свою жизнь я посмотрелся на душевнобольных. Видел сотни людей с различными психическими отклонения-

ми и могу со всей уверенностью заявить, что сейчас передо мной стоит очень усталый, но точно не нуждающийся в услугах нашей клиники человек.

Антон напрягся. Почти тоже самое сказала ему медсестра на посту в холле.

– А привёл я вас сюда, потому что чрезвычайно любопытен, – ответил Херш на немой вопрос, застывший в глазах гостя. – Мне интересно, что на самом деле побудило вас к нам обратиться?

Антон вздохнул. Он подозревал, что сойти за психа ему вряд ли удастся, поэтому у него был запасной план. Так себе план, если честно, но всё-таки. Он сел в весьма удобное кресло, побарабанил пальцами по дипломату и сказал:

– Кофе.

Директор удивлённо уставился на гостя, потом расхохотался.

– Вы не против растворимого?

– Только за.

Херш открыл шкаф, выудил оттуда две чашки с чайными ложками, банку кофе, сахар в кубиках и электрический чайник. Когда кабинет наполнился густым ароматом кофе и директор устроился в кресле, переложив сумку для ноутбука на пол, Антон произнёс:

– Вы абсолютно правы. Я вполне здоров во всех отношениях.

Херш кинул в чашку два кубика сахара, и, помешивая

ложкой кофе, покрутил свободной рукой, призывая Антона продолжать.

– Я журналист. Хочу написать о жизни психиатрической клиники изнутри. О том, какого это – быть психом.

– У нас таких людей называют душевнобольными, – поправил директор.

– Конечно, простите.

Херш досадливо нахмурился, как преподаватель музыки, сначала увидевший молодую смазливую абитуриентку, а потом услышавший её противное безобразное пение.

– Если честно я разочарован. Вы думаете, что такая светлая мысль пришла в голову только вам, и никто до этого не писал подобные статьи?

– Понимаю, что не совершу революцию в журналистике, но я работаю в мелкой газетёнке, название которой вам скорей всего даже неизвестно, и надеюсь, что эта статья поможет мне сделать прыжок по карьерной лестнице, ну или хотя бы пару шагов.

– Что ж, похвальное рвение, – Херш отхлебнул кофе. – Давайте так: возьмите у меня интервью. Я отвечу на все интересующие вас вопросы, а вы напишите эту вашу судьбоносную статью.

– Нет, я хочу поведать о том, как живётся людям в стенах лечебницы, скажем так, из первых уст.

– Если я вам об этом расскажу – мне вы не поверите?

Антон неопределённо пожал плечами.

– Значит, твёрдо решили примерить на себя шкуру душевнобольного?

– Да.

– Ну, а мне что с того? – спросил Херш.

Антон растерялся, от прямоты директора.

– Статья... Я напишу про вашу клинику. Своеобразная реклама.

Херш хохотнул.

– Таким заведениям, как это, реклама не нужна. В отличие от вас в наши двери редко кто входит по собственному желанию. Обычно пациенты поступают обездвиженные, в смиренных рубашках, накачанные успокоительными. Наши постояльцы страдают тяжёлыми хроническими заболеваниями. Для большинства из них лечебница становится последним пристанищем.

Херш задумчиво посмотрел в окно, в которое было видно левое крыло лечебного корпуса клиники – прямоугольная четырёхэтажная серая коробка с зарешёченными окнами. Из своих изысканий Антон знал, что на втором и третьем этажах находились отделения для хроников, не представляющих особой опасности для себя и окружающих. На четвёртом этаже располагались изоляторы и палаты для буйных пациентов. А первый занимали учебные классы, лаборатория, функциональные и врачебные кабинеты.

Соединённые между собой надземными переходами три корпуса клиники напоминали чуть кривобокую букву «П».

Переходами уже давно не пользовались. Они находились в аварийном состоянии и при большой нагрузке могли попросту обрушиться. Перекладной между мужским и женским корпусами служило двухэтажное административное здание. Территория клиники была огорожена от внешнего мира высокой стеной из красного кирпича, поверху которой вилась спиралью колючая проволока. Во внутреннем дворе раскинулся небольшой запущенный парк с асфальтированными дорожками, беседкой, скамейками и круглым давно неработающим, засоренным фонтанчиком.

– К тому же вдруг вам не понравится наше гостеприимство, – хитро улыбнулся директор. – И вы напишите что-нибудь, что выставит меня или клинику не в лучшем свете.

– Я дам вам почитать записи, и вы сможете их отредактировать.

– А как же нести читателям свет истины? Вы сами себе противоречите.

Херш откинулся на спинку кресла, сложил руки на животе.

– Если вам больше нечего мне предложить, то допивайте кофе и попробуйте счастья в какой-нибудь другой клинике. Могу дать пару адресов, но вряд ли кому-то придётся по душе ваша затея.

Антон опустил взгляд, открыл защёлки дипломата.

– Я надеялся, что до этого не дойдёт, – сказал он, выкладывая на стол хилую пачку банкнот. – Это всё, что у меня

есть на данный момент, но я согласен отдать вам гонорар за статью, если она будет успешной.

Херш удивлённо воззрился на сложенные вдвое, перетянутые банковской резинкой купюры и расхохотался.

– Вы находите это забавным? – удивился Антон.

– Похоже, я ошибся и вы всё-таки сумасшедший, раз готовы отдать последние деньги, чтобы очутиться в лечебнице. Обычно мне предлагают взятки, чтобы выбраться отсюда, а не наоборот.

Отсмеявшись, Херш уточнил:

– Вы собираетесь отдать ваши сбережения, чтобы попасть в клинику для душевнобольных, ради написания статьи, которую с большой долей вероятности ждёт провал. Я правильно вас понимаю?

– Я готов рискнуть.

– Уберите деньги. Я согласен вам помочь, но у меня будет одно условие.

Антон смахнул банкноты обратно в дипломат.

– Какое? – спросил он, заранее соглашаясь на всё.

– Вы на самом деле станете сумасшедшим.

Антон сидел за стойкой бара, морщась от третьесортного виски. Вряд ли в ближайшем будущем ему доведётся выпить. Аромат табачного дыма и разлитого пива въедался в одежду и волосы. В последнее время Антон часто проводил вечера в различных дешёвых кабаках, и во всех пахло одинаково.

Дюран бездумно смотрел на выключенный телевизор с заляпанным экраном. Он уже не надеялся, что Херш пойдёт ему на встречу. Когда директор заговорил о том, что Антону придётся стать умалишённым, у него голове сразу замелькали слова: шоковая терапия, трепанация, лоботомия, – всё то, что на самом деле может сделать из здорового человека овоща, пускающего слюни. Но Херш, конечно, имел в виду не это.

***

– У вас есть спросил Херш.

– Нет, – ответил Антон, и это было чистой правдой.

– Даже девушки нет?

родственники или друзья, кто-нибудь, кто начнёт поиски, если вы пропадёте на длительное время? –

У него была девушка. Её звали Майя. Он даже собирался сделать ей предложение, но она бросила его около года назад. Уже тогда он был одержим идеей попасть в клинику.

Тратил кучу денег на крупницы трудно доступной информации. Причём, трудно доступной она была не из-за того, что имела какую-то ценность, а скорей наоборот, потому что была никому не нужна. Антон часто уходил ночами, общался с бывшими заключёнными и людьми, официально выписавшимися из психбольниц.

Как-то Майя застала его дома, распивающим абсент с неприглядного вида бродягой, который ко всему прочему облапал её зад перед уходом. Это стало последней каплей. Майя предъявила чисто женский аргумент: или я, или твои безумства. Тем же вечером она ушла.

– Нет... Девушки нет.

– И вы никому не рассказывали о своей идее? – продолжал допрос Херш.

– Ни одной живой душе... Хотя нет, теперь вы в курсе.

Директор одобрительно хмыкнул.

– Похоже, вы скрытный человек.

– Возможно.

– Вы можете гарантировать, что наш разговор не уйдёт дальше стен этого кабинета?

– Да.

– Хорошо. Поверю вам на слово. Получается к нам вы пришли в первую очередь?

– Верно.

– Почему?

– Решил сразу попытать счастья в лучшей клиники обла-

сти, – не моргнув глазом, соврал Антон.

– Может и не лучшей, но всё равно лестно слышать. Ну, что ж...

С директора сползла маска добродушия, за которой оказался серьёзный, жёсткий, расчётливый человек.

– Я готов положить вас в клинику с завтрашнего дня, но никто кроме нас с вами не будет знать об этом соглашении, в том числе персонал больницы. Для них вы будете очередным пациентом, требующим лечения. Вам придётся соблюдать режим, принимать лекарства, делать всё, что скажут доктора и медсёстры, и пробудете здесь до тех пор, пока ваш лечащий врач не решит, что вы готовы покинуть клинику. Вы добровольно пришли к нам, но уйти также, не получится.

Антон сглотнул. На такое он не рассчитывал, хотел просто панибратски побеседовать с пациентами, послушать разговоры сотрудников клиники, и уж точно не собирался принимать лекарства и вообще от чего-либо лечиться. Он планировал, что сможет в любой момент свободно покинуть клинику. Ситуация сильно осложнялась.

Дюран рассеяно потёр правую руку. Врачи говорили, что зуд пройдёт, как только нарастёт новая кожа, и сформируются рубцы. Они оказались не правы. Порой ему казалось, что под грубой белесой кожей ползают мелкие червячки, доводя его до исступления своим шевелением.

Директор заметил его движение, но не стал ничего спрашивать.

– Сегодня я видел, как санитары волоком тащили одного из пациентов, – Антон задумался. – Судя по всему, ему как-то удалось сбежать, пусть и ненадолго.

Херш сморщился на мгновение, будто ему ткнули иглой в кариозный зуб.

– Вы про Василькова? Наверное, со стороны выглядело, будто сбежавшего заключенного возвращают в тюрьму. Не так ли? Но на самом деле его побег был сфабрикован. У Василькова очень тяжёлая форма паранойи. Я не буду вдаваться в его историю болезни – врачебная тайна, сами понимаете. Но он из тех, кто принимает окружающих, то за инопланетян, желающих покопаться в человеческих внутренностях, то за каких-то сумасшедших учёных вживляющих всем микрочипы, чтобы сделать из людей послушных рабов. Его больная, но, безусловно, богатая фантазия препятствует результативному консервативному лечению. В терапевтических целях мы позволили... даже помогли Василькову покинуть стены клиники, чтобы он понял – в открытом большом мире с его паранойей, ему будет хуже, чем в нашем тесном дружном коллективе. Естественно, он сразу потерял голову, шарахался от каждой тени, даже не смог набраться храбрости, чтобы купить себе еды. Наши ребята еле успели вытащить его из петли и привели обратно.

– Я бы не сказал, что он был рад вернуться.

– Васильков нуждается в долгом и серьёзном лечении. Не забывайте, что он душевнобольной. Обычной логикой нам

его действия не объяснить.

– А то, что один из санитаров ударил его, такое в порядке вещей в вашей клинике?

Херш помрачнел.

– Конечно, нет! Я категорически запрещаю персоналу грубо обращаться с пациентами. Но сами понимаете, за всеми сразу уследить не получается. Я узнаю, кто позволил себе распустить руки и приму соответствующие меры.

По безразличному взгляду директора, Антон понял, что никакого наказания не последует. Херш даже искать провинившихся не станет. Скорее всего, он итак знает, кого следует поблагодарить за излишнюю пылкость в работе.

– А вы к чему завели разговор о Василькове? Уже планируете план побега? Начали жалеть, что пришли к нам? – едко спросил Херш.

Антон закусил до боли губу, лихорадочно соображая. Начал ли он жалеть? Ещё было не поздно отказаться. Стоит ли игра свеч или это заведомо провальный гамбит? Чёрт, другой возможности может и не представиться.

– Нет. Есть ещё какие-нибудь требования ко мне? – произнёс Дюран, надеясь, что его метания ускользнули от пытливого взгляда директора.

Херш отрицательно мотнул головой.

– Но с вами мы больше не увидимся, – директор ухмыльнулся. – По крайней мере, до вашего «выздоровления». Вы согласны на такие условия?

– Да, но можно устроить так, чтобы меня лечил доктор Кирцер? – предупреждая вопрос директора, Антон продолжил: – Я прочитал много специализированной литературы, и помнится, как-то мне попала статья о его достижениях в области психиатрии. Если бы я на самом деле был болен, то хотелось бы, чтобы меня лечил именно он. Думаю, под его присмотром быстрее смогу, как вы выразились, «выздоревать».

С серьёзной миной на лице Антон выдержал повисшую паузу.

– Читали, говорите... – директор задумчиво рассматривал дно опустевшей чашки. – Доктор Кирцер заведует двумя отделениями, и у него остаётся не так много времени для работы в поле, но думаю, что по старой дружбе смогу уговорить его взять под своё крыло ещё одного пациента. И вы верно заметили, вряд ли ему понадобится много времени, чтобы разобраться с вашим «недугом», поэтому...

Херш открыл ящик стола и достал салфетку.

– ...долго разыгрывать комедию не удастся. Так что советую быстро и по-тихому собрать всю необходимую информацию. Тем более, вы должны понимать, что ваше положение будет здесь таким же крепким, как эта салфетка. Стоит вам, скажем так, подмочить свою репутацию... Что будет если намочить салфетку?

– Она станет хлипкой и порвётся.

– Именно. – Херш скомкал салфетку. – Если кто-нибудь

попытается вас найти, или вы сами начнёте болтать, кем являетесь, я вышвырну вас из клиники и сделаю так, что вы больше не сможете опубликовать ни одной своей статьи.

Антон не отреагировал на угрозу, его интересовало другое.

– Могу я задать вам последний вопрос?

– Конечно.

– Почему вы всё-таки согласились положить меня в клинику?

Губы Херша медленно растянулись в улыбке.

– Я уже говорил, что любопытен. Соблюдайте наш договор. Мне интересно посмотреть, чем закончится ваша авантюра.

***

– Будете что-нибудь ещё, – спросил бармен, возвращая Антона из мира воспоминаний.

– Да, повтори.

Он подвинул бармену пустой стакан, в который тут же плеснула светло-коричневая жидкость. Было неудобно рукой в перчатке держать скользкий стакан, но он не любил, когда незнакомые люди тарасились на его изувеченную конечность.

Один знакомый бродяга из прошлой жизни как-то сказал ему,дохнув перегаром:

– Знаешь на что похожа твоя клешня? Будто вознамерив-

шись приготовить жирный наваристый супец, ты внезапно осознал, что забыл купить мясо, и не придумал ничего умнее, чем сварить бульон из собственной пятерни.

Ну да, примерно так она и выглядела.

Через два стула от Антона сидел простой работяга, заскочивший отдохнуть в душевной обстановке после изнурительной рабочей смены, прежде чем вернуться домой, где его дожидается вечно недовольная жена, вместо вкусного ужина приготовившая свежеиспечённый набор упрёков. Он заказал пиво. Дюран наблюдал, как по запотевшему бокалу медленно ползут маленькие капельки-слёзы, будто даже у куска стекла сегодня был повод для грусти. Работяга, не вникая в тонкости душевных метаний чувствительной барной посуды, смазал мокрый узор мозолистой рукой.

Проглотив очередную порцию дрянного пойла, Антон расплатился с барменом, сполз со стула и, пошатываясь, вышел на улицу в промозглую сентябрьскую ночь.

Захлопнув дверь, не включая свет, Антон скинул верхнюю одежду с ботинками, перчатки и прошёл в гостиную своей маленькой съёмной квартирке. За окном клубилась ночь. Света фонаря пробивающегося через грязное стекло хватило на то, чтобы Антон смог разглядеть на столе стакан и полупустую бутылку виски, которое было немногим лучше того, чем его поили в баре. Он небрежно бросил дипломат на стул, но промахнулся. С грохотом дипломат завалился под исцарапанный стол, призывно звякнула бутылка. Дюран наполнил не мытый, липкий стакан и плюхнулся на недовольно скрипнувший диван, выплеснув изрядную долю виски на руку. Чертыхнувшись, Антон облизал мокрые пальцы, обезображенные давним ожогом.

Херш был прав. Он, действительно, очень устал. Последние несколько месяцев сильно вымотали его, как физически, так и морально. Было потрачено уйма времени, нервов и денег. Хоть липовое редакционное удостоверение не пригодилось, оно могло понадобиться в будущем. Как бы тщательно он не готовился, всегда оставалась вероятность, что и в этот раз, его поиски зайдут в тупик.

На столе рядом с бутылкой стояла рамка с фотографией. В темноте было не разобрать, кто на ней запечатлён. Антон меланхолично посмотрел на тёмный прямоугольник, по-

чувствовал, как шевельнулась застарелая тоска зазубренным гарпуном застрявшая у него где-то между рёбер, поднял стакан и прошептал:

– За тебя...

Залпом опрокинул в себя виски. Этот стакан явно был лишним. Через десять минут он уже сопел, раскинувшись на диване. Стакан выпал из расслабившихся пальцев, звонко ударился о давно не мытый пол, оскалившись влажными осколками. Антон лишь поморщился во сне и повернулся на бок, уткнувшись носом в пыльную спинку дивана.

Глава 2

1

В то время как Антон мирно храпел на продавленном диване, Старик широко распахнутыми глазами со смесью страха и восторга смотрел на приближающуюся к нему девушку. На ней как всегда было полупрозрачное просторное чёрное платье, складки которого колыхались, словно обдуваемые призрачным ветром. Шёлк струился по болезненно бледной коже. Пепельные слегка выющиеся волосы обрамляли красивое лицо с острым подбородком и высокими скулами. Полные яркие губы, в темноте казались чёрными.

Она появлялась каждую ночь, оставляя после себя лишь шлейф тревожного воспоминания. Ей нравилось наблюдать за бурей эмоций разыгрывающейся на измождённом лице Старика, когда она медленно выходила из внезапно зашевелившихся теней. Уходя же, она небрежно, будто грязной тряпкой, не стирала, а размазывала следы своего пребывания в его памяти. В последнее время только так она и развлекалась. Не понимая, что его гложет, Старик мучился весь день, с ощущением, что как только дежурная медсестра погасит свет, и утихнет шум в больничном коридоре, произойдёт что-то зловещее.

Не обращая внимания на неудобства и аромат давно не мытого тела, девушка присела на край кровати и начала отстранённо гладить Старика по почти лысой голове, устремив мечтательный взгляд в окно на мерцающую полосу разлившегося по небу млечного пути. Комнату наполнило еле слышное жужжание, будто где-то неподалёку включили генератор.

– Время истекло. Сегодня наша последняя встреча. Ты рад? – мягко произнесла девушка, и прикоснулась тонким пальцем к губам Старика, возвращая ему голос.

– Ты не настоящая... Это всё таблетки... Уходи... Я не верю... – зашептал Старик и начал хлопать себя ладонью по голове, пытаясь выбить из неё до ужаса прекрасное видение.

Девушка хлестнула рукой по воздуху, Старик захрипел. Раскрыв в немом крике рот, он забился в угол кровати и тощими руками, с которых свисала морщинистая шелушащаяся кожа, вцепился в поручень, до боли напрягая вялые мышцы.

– Не надо... Я слышала это сотни раз. Всегда, одно и то же.

Старик схватился за крестик на шее. Девушка улыбнулась, отчего на её щеках появились милые ямочки.

– Суеверия здесь не помогут. Ты действительно считаешь, что добрый дяденька спустится с небес тебе на выручку? Я твои Альфа и Омега! – Девушка демонстративно кинула тяжёлый взгляд на распятие, висящее на стене. Крест качнулся

и сорвался с гвоздя, сухо ударившись о прикроватную тумбочку.

– Я пришла забрать своё. Так что не обессудь. Ты и так прожил гораздо дольше, чем Он тебе отмерил.

Кроме первобытного трепета в глазах Старика появились проблеск понимания. Когда девушка ослабляла хватку, к нему капля за каплей начинали возвращаться воспоминания. Он обхватил горло ладонью, прося дать ему слово. Девушка сделала пас рукой. Старик закашлялся.

– Но это была не жизнь, – проскрипел он.

Девушка печально вздохнула.

– То, что ты провёл её, заливая страх литрами браги, разругался со всеми родственниками и друзьями, до остервенения убеждая их в существовании некой Королевы мух, которая рано или поздно придёт и сожрёт твою душу, – в этом вини только себя. К слову, твоя душа мне ни к чему. Я брезгую. А вот мои подопечные полакомятся.

Старику показалось, что назойливое жужжание стало громче.

– А всё это... – девушка взмахнула рукой. – Не люблю, когда обо мне болтают. Ты вынудил меня принять меры.

– Дай мне ещё немного времени... – взмолился Старик.

Девушка нахмурилась, её карие глаза потемнели. Сколько раз она уже выслушивала подобные просьбы. Люди не меняются. Она исполняет их самые заветные и дерзкие мечты, и хоть бы раз кто-нибудь сказал ей слова благодарности. Им

всегда мало, и рано или поздно они перестают контролировать свою жадность. Особо амбициозные развязывают войны, погрязают в славе, которую не могут переварить, рушат жизнь себе и окружающим. И во всех бедах винят именно её, продолжая выдвигать новые требования. Но её помощь не безвозмездна, чем больше они просят, тем быстрее приходит день расплаты.

– Твои песочные часы лопнули... Уже давно.

Она сжала руку, чтобы покончить со Стариком. По его лицу текли блестящие в лунном свете слёзы. Он пытался укрыться от неё, натягивая на себя вонючее одеяло. Девушка раздражённо поднялась с кровати. Её рука разжалась. Вот так всегда. Почему все видят в ней монстра?

– Хорошо, будь по-твоему, – резко сказала она. – Пусть всё вернётся на круги своя. Как думаешь, сколько бы ты протянул, не заключив со мной сделку. Когда болезнь будет пожирать твою плоть, когда будешь биться в агонии, ты поймёшь, что я хотела быть милосердной. Но ты оттолкнул меня. Опять не смог использовать свой шанс. В конце я всё равно приду за тобой, мои питомцы должны есть.

Девушка сделала шаг навстречу сгустившейся перед ней темноте и исчезла. Тишина облепила Старика глухим коконом. В его голове будто рухнула плотина, и воспоминания затопили воспалённое сознание, смывая с памяти жирный слой грязи. Губы дрожали, тёплая порция мочи излилась в итак уже переполненный тугой подгузник. Когда до него до-

шёл смысл сказанного Королевой мух, он впервые за пять лет закричал.

2

Зоя возлежала в шезлонге, нежась под ласковыми лучами южного солнца. Невдалеке в выброшенных приливом водорослях деловито копошились белые крабы. Сбиваясь в стаи, вечно голодные чайки галдящим эскортом следовали за прогулочными трамвайчиками и пароходами.

Красавчик с телом бодигарда и длинными белокурыми волосами, протянул Зое высокий бокал с клубничным дайкири и ломтиком лайма на краешке. Девушка оценивающим взглядом окинула культуриста, пытаясь припомнить, как его зовут, или хотя бы где она его подцепила. Впрочем, какая разница? Зоя проследила за каплей пота, скатившейся с его плеча, скользнувшей по загорелому телу и затерявшейся в кубиках пресса. Девушка вздрогнула от мурашек, пробежавших по бедрам. Ночь обещала быть длинной.

Зоя приняла бокал и вытянула шею, требуя поцелуя. Красавчик наклонился к ней, елеинно улыбаясь. Девушка прикрыла глаза, чуть вытянула губы, но так и не дождалась желаемого.

Культурист внезапно разразился диким криком.

***

Зоя дёрнулась, опрокинув рукой кружку с чаем. Чай хлынул со стола, заливая кристально белый халат и смывая с де-

вушки остатки сна. Зоя вскочила, подхватив со стола медицинские карты, к которым уже подползала коричневая лужа пахнувшая бергамотом.

Кто-то кричал. Для психиатрической клиники, ночные крики были обычным явлением, и в обязанности дежурной медсестры входило пресечение любого шума, дабы один смутьян не поднял на уши остальных полуночников. Как правило, переполошившиеся от кошмара или ночных видений пациенты, добровольно давали себя уколоть и забывались до обеда.

Зоя не торопясь смахнула куском бинта со стола остатки чая, радуясь, что не стала добавлять в него сахар, на автомате достала карманное зеркальце, поправила смазавшиеся тени, заплела в хвост растрёпанные волосы. Захватив из холодильника шприц с успокоительным, девушка отправилась на поиски счастливчика, которому завтра светила внеочередная профилактическая очистительная клизма. По пути она скинула промокший халат в корзину для грязного белья, оставшись в короткой белой майке на бретельках с изображением инопланетянина Стича из диснеевского мультика.

Крикун всё никак не утихомиривался. Зоя подавилась зевком, когда до неё дошло из какой палаты раздаётся крик. Страх холодной рукой коснулся её сердца, пуская его в галоп. Она не стала заходить в палату, а побежала в другой конец отделения за дежурным доктором. Правда она не знала, что тот сейчас кутит на мальчишнике в стриптиз-клубе,

оставив вместо себя молодого ординатора.

Морф, как и Зоя пять минут назад, пребывал в сладкой сновиденческой неге, и не был готов к тому, с чем столкнулся в двести семнадцатой палате.

3

Благодаря яркому, но больному воображению пациентов клиники двести семнадцатая палата обросла жуткими фантастическими слухами, как трухлявый пенёк поганками. Медперсонал относился к этому снисходительно и с долей иронии, но после того прискорбного случая с первым лечащим врачом Старика, никто больше не стремился своим примером развеять блуждающие по клинике байки. Дежурящие ночью доктора и медсёстры старались лишней раз не заглядывать к Старика. Они знали, что тот не спит. Он никогда не спал ночью, просто лежал или сидел на краю кровати, практически не моргая, и сверлил взглядом какую-нибудь точку в тёмном углу.

Морф проработал в клинике лишь три месяца, но уже успел наслушаться разных домыслов. Он замер перед двести семнадцатой палатой, чувствуя себя, как на приёме у стоматолога – страшновато, но идти надо. За дверью крик уже сменился булькающими стонами. Собрав всю храбрость, которой у него никогда особо много и не было, он открыл дверь и вздрогнул, увидев чей-то силуэт на фоне окна. Он решил, что это Старик. А кто это ещё мог быть? Но силуэт растворился в жидком свете потолочной лампы, как только Морф нажал на выключатель.

Выглянув из-за спины ординатора, Зоя тихонько вскрик-

нула, прикрыв рот миниатюрной ладошкой.

Старик больше не кричал и вовсе не издавал никаких звуков. Он лежал на полу, точнее только верхняя часть его тела. Ноги запутались в одеяле и подёргивались на кровати, а голова и плечи Старика упирались в пол. Одна рука тянулась к ножке кровати, вторая оказалась зажата между грудью и протёртым линолеумом. Лицо почернело от прихлынувшей крови, из-за рта хлопьями сочилась розовая пена. Рот искажился в сардонической улыбке. Выпученные глаза с кровавыми белками от полопавшихся капилляров уставились на Морфа.

Морф обескуражено смотрел на Старика, мысленно проклиная коллегу, который попросил подменить его на ночном дежурстве. Благими намерениями...

Зоя тихонько толкнула Морфа в спину, намекая на то, что он сейчас за старшего и пора уже, что-то предпринять.

Морф на ватных ногах зашёл в палату. Кривясь от запаха исходящего от Старика, поднял его обратно на кровать.

– Что с ним? – шепотом спросила Зоя.

– Похоже, отёк лёгких, – поморщился Морф, рассматривая запачканный мокротой рукав халата.

– Похоже?!

Морф рысью пробежался по закоулкам памяти, нашёл покрытую паутиной коробку с корявой подписью «отёк лёгких» и обнаружил, что она пуста. Он прижал два пальца к щеке Старика, почувствовал короткий удар, через семь се-

кунд ещё один.

– У нас есть дефибриллятор? – спросил он с видом матёрого парамедика ежедневно вытаскивающего с того света с десятков висящих на волоске жизней.

– Есть. Но я не уверена, работает ли он. Мы им ни разу не пользовались. Я даже не знаю, как он включается.

Морф облегчённо выдохнул, возблагодарив отечественную медицину, в которой если и выполняются какие-то приказы и постановления, то чисто для галочки. Мол, положен дефибриллятор, так вот он – стоит, пылиться. А то, что медперсонал не в курсе, где у него находится кнопка «вкл» – это уже совсем другой вопрос.

– Тогда делать мы ничего не будем, – ординатор протянул руку и опустил веки Старика. – Звони в приёмник санитарам, пусть тащат сюда свои задницы и каталку. Дедушке пора в подвал.

Хилая грудь Старика больше не поднималась. Из угла рта вяло стекали остатки тягучей пены.

Зоя заморожено смотрела на худое безжизненное тело. Она заметила на шее Старика длинные красные полосы, на которых местами выступили гранатовые капельки крови. Он расцарапал себе шею, когда начался приступ удушья. Зоя почувствовала, как глаза невольно закрывает пелена слёз. Само собой, в клинике пациенты умирали и раньше, но первый раз это произошло в её дежурство. Девушка отвернулась к стенке, достала из кармана штанов одноразовый бумажный

платочек, промокнула глаза и только сейчас обратила внимание, будто в комнате что-то тихо жужжит. Причём, жужжит недовольно, как растревоженный улей с пчёлами.

Девушка направилась к выходу, чтобы с поста вызвать санитаров, но на пороге Морф задержал её, взяв за руку.

– Хотя, нет. Давай сами отвезём его в морг. Меньше свидетелей – меньше вопросов. А завтра скажем, что на ночном обходе нашли его уже мёртвым. Хорошо? – сказал Морф.

Зоя мотнула головой, отгоняя назойливое жужжание.

– Что? А, да... Ладно. Я тогда пошла за каталкой.

– Ага. А что это у тебя в руке?

Зоя с удивлением посмотрела на шприц с успокоительным, который всё это время сжимала в кулаке.

– Диазепам.

– Сгодится.

Морф взял шприц, снял колпачок, сел на стул и всадил иглу себе в бедро. Внимательно посмотрев на ахнувшую девушку, Морф заговорщицки улыбнулся и прижал указательный палец к губам в древнем жесте молчания.

4

Они не стали засовывать Старика в холодильник, а положили в прозекторской на секционный стол. С утра придёт патологоанатом и сделает вскрытие, если сочтёт нужным.

– А пока отдыхай старичок, – попытался пошутить Морф, на которого уже начало действовать успокоительное. Зоя с некоторой завистью посмотрела на него, думая что, пожалуй, разорит клинику на ещё одну ампулу диазепамы.

– А мы разве не должны его как-то подготовить? – спросила она.

– Конечности разогнуты, глаза закрыты, челюсть подвязана, – сказал Морф, затягивая бантик из бинта на макушке Старика.

– Нет, я имею в виду – раздеть, помыть.

Морф сморщился.

– У трупоеда есть двое помощников, сами как-нибудь разберутся. А нам здесь делать больше нечего.

У Морфа никак не шла из головы тёмная фигура, встретившая их в палате Старика. Игра света и тени? Что было бы, если бы он не зажёл свет? Его передёрнуло от пробежавших вдоль позвоночника мурашек. Он хотел спросить у Зои, не заметила ли она чего-нибудь странного, но видел, что девушка итак напугана и расстроена.

– Садись, довезу – наигранно весело сказал Морф, кивнув

на каталку.

– Издеваешься? Мы только что труп на ней привезли.

– Моё дело предложить, – невозмутимо ответил Морф, хватаясь за ручки каталки. – Придержи дверь. И почему ты без халата? К слову, милая маечка.

Как только скрип несмазанных колёсиков каталки затих, из самого тёмного угла прозекторской вышла белокурая девушка. Каллифора подошла к лежащему на столе телу. Ей не нравилось, когда Старик называл её королевой мух. Что за глупости? Ей сразу вспоминался Голдинг, который, похоже, был знаком с кем-то из её родни.

– Наивный, – прошелестел в морге бархатный голос. – Наверно, обрадовался, когда понял, что умираешь. Решил, что тебе удалось обвести меня вокруг пальца? Но ты так просил, чтобы я дала тебе ещё время.

Девушка недовольно нахмурилась.

– Я обещала тебе, что ты будешь жить, медленно разлагаясь изнутри, терзаемый болезнью, от которой я тебя когда-то спасла. А я всегда исполняю свои обещания.

Каллифора развела руки в стороны. Из рукавов её платья вылетели десятки мясистых чёрных мух. Они по-хозяйски ползали по телу старика, облепили его лицо, особенно их привлекли пятна подсыхающей розовой пены. Мухи заползали Старику в нос, хоботками пробовали липкий пот ещё не остывшего тела. Они хотели есть.

– Ещё рано, – прошептала девушка.

Мухи покорно зажужжали и взметнулись в воздух, когда она склонилась над Стариком. Каллифора подняла ему веки

и припала губами к его рту. Поцелуй затянулся почти на минуту, а потом зрачки Старика резко расшились, и он сделал судорожный вдох.

Глава 3

1

Антон проснулся от разрывов петард у себя в голове. Каждый взрыв сопровождался болезненным фейерверком, вышибающим искры из глаз. Дюран схватился за голову, боясь, что она разлетится на куски, оставив на старых пожелтевших обоях сюрреалистичный красный узор с серыми вкраплениями. В животе противно урчало. Зажмурившись и сжавшись в позе эмбриона, он чувствовал себя мучающимся брюшным тифом солдатом, зарывшимся в окопе под обстрелом вражеской артиллерии. Лишь пару минут спустя он понял, что кто-то стучится в дверь, причём, весьма настойчиво.

– Какого чёрта? – пробормотал Дюран, ладонью прикрывая слезящиеся воспалённые глаза от пробивающегося сквозь мутное стекло солнечного света. С хозяином квартиры он расплатился на месяц вперёд, а больше никто его в этом городе искать не мог. Приехав сюда пару недель назад, он ещё не успел приобрести какие-либо знакомства, да и не задавался такой целью.

– Открывайте или нам придётся ломать дверь, – раздался хриплый голос незваного гостя, грубо прервавшего его лечебный сон. И, судя по всему, он был не один.

– Да что же это?!

Преодолевая тошноту и головокружение, Дюран скинул с кровати ноги и встал. Что-то мелодично хрустнуло, и с воплем боли Антон рухнул на пол. Кровь резвым ручейком вытекала из его правой ступни, в которую впились осколки стакана. Грязно ругаясь, он подтянул к себе ногу, оставляя на полу кровавый след.

В дверь продолжали барабанить. Кто-то что-то выкрикивал, но Антону сейчас было не до этого. Он стряхнул с ноги, налипшие мелкие осколки. Два куса вонзились в плоть. Один вошёл не глубоко, но сильно рассёк кожу на своде стопы.

– Шрам останется, – пробормотал Антон, вытащив осколок, потом нервно хохотнул. Вряд ли кто-то будет интересоваться его шрамами на подошвах, разве что патологоанатом.

Ещё один кусок предательского стакана глубоко вошёл в мякоть пятки. Скользкими от крови пальцами Антон осторожно, стараясь не порезать ещё и руку, схватился за осколок и потянул. Неудобно изогнув ногу, он сосредоточился на том, чтобы хрупкий кусочек стекла не обломился. Зачарованно, не обращая внимания на боль, он наблюдал, как окровавленное стекло миллиметр за миллиметром выходит из его плоти. Вытащив осколок, Антон на мгновение увидел края резаной раны, которая тут же наполнилась кровью. Красный ручеек превратился в поток. Запах железа заполнил комнату. Дюран скривился, с трудом проглотив под-

кативший к горлу тошнотворный ком. Он сомневался, что можно умереть от кровотечения из пятки, но рану требовалось обеззаразить и хотя бы наклеить пластырь. Антон поднялся, держа на весу травмированную ногу, с которой скатывались крупные капли, оставляя на полу жуткие кляксы.

В этот момент дверь сотряслась от страшного удара. Ещё один удар и замок не выдержал. Дверь резко распахнулась, со смачным треском поцеловавшись со стеной. Брызнули хлопья белой краски, через несколько секунд их присыпала пыль штукатурки. В проёме стоял жуткого вида громила в белом комбинезоне и густой рыжей копной на голове. За его спиной маячил ещё один лысый бугай устрашающего вида. У Антона возникло смутное чувство узнавания. Где-то он их уже видел. Но после вчерашнего вечера проведённого в баре, память пока что работала со скрипом. Может он что-то натворил ночью? А это местные служители порядка или кто-то вроде того. Голова пульсировала, будто мозг распух и недовольно ворочался в тесной черепной коробке, что ещё больше мешало соображать.

– Он вскрывается! – гаркнул тот, что стоял позади.

Антон широко раскрытыми глазами смотрел на бестактных визитёров, стараясь осмыслить происходящее, но ему удавалось лишь беззвучно хлопать губами. С неожиданной прытью и изяществом гориллы к Дюрану подскочил рыжий амбал и начал заламывать ему руку. Антон инстинктивно отмахнулся свободной рукой, в которой до сих пор сжимал

окровавленный осколок.

– Он меня порезал! – заверещал бугай, отшатнувшись от Антона. Вытаращенными глазами он взирал на разодранный рукав комбинезона, на котором начали проявляться красные пятна.

– Да кто вы такие?! – Антон, наконец, обрёл дар речи.

– Твои ангелы-хранители, – ухмыльнулся второй громила и двинулся к нему. Антон успел разглядеть вытатуированные на костяшках его кулака четыре косые буквы, складывающиеся в английское слово PAIN.

«Символично» – подумал Дюран, и его накрыло чернильное небо беспамятства.

***

– Сим, ну и зачем ты его вырубил? – спросил Рыжик, озабоченно рассматривая неглубокую, лениво сочащуюся кровью рану на предплечье. – С нас ведь потом спросят, откуда у него синяки.

– Ты как будто первый день живёшь. По-моему, все синяки он заработал ещё до нашего появления. Разве нет? От него разит, как от самогонного аппарата, неудивительно, что в какой-то момент он не смог разойтись со стеной, – отмахнулся Сим. – К тому же нужно было ведь как-то его успокоить.

– Ты опять вязки забыл, да? – с укором произнёс толстяк. – Как вчера с Васильковым. Между прочим, из-за тебя

я чуть не лишился своей шикарной шевелюры.

– Не судите и не судимы будете. Да и какие вязки? Ты сам орал, как боров, которому прищемило яйца. «Он меня порезал, он меня порезал». Кто знает, если бы я не вмешался, может он в следующую секунду полоснул бы тебя по горлу, – процедил Сим.

Рыжик, насупившись, прожёл товарища взглядом, но промолчал. В чём-то Сим был прав.

Сим посмотрел на порез на руке Рыжика и невольно провёл пальцами по шраму на щеке. Эту красоту он получил от отца на своё десятилетие. Отец заметил, что ребёнок не особо сильно рад металлическому конструктору, который он с трудом стащил в «юном технике» и, достав опасную бритву, решил оставить сыну более памятный подарок. Навещая отца в психушке, Сим иногда видел других пациентов, в глазах которых была лишь холодная пустота. Он их боялся и ненавидел. Ему было страшно, что однажды он тоже может стать бессмысленно прожигающим жизнь куском мяса. Именно страх в старших классах гнал его каждые выходные в дом престарелых, где он по шесть часов работал волонтером. Позже он устроился санитаром в психбольницу. Когда постоянно видишь людей, в которых душа еле тлеет, понимаешь, что у тебя не так уж всё и плохо и страх притупляется. Можно жить дальше.

До встречи с Хершем Сим сменил три места работы. Всякий раз его выгоняли со скандалом из-за грубого обращения

с пациентами. Видимо давал о себе знать буйный характер, унаследованный от отца. Херш обычно закрывал глаза, когда Сим начинал перегибать палку, но иногда взамен просил санитаря о небольших одолжениях. Вот, как сейчас. Велел тихому привезти в клинику пациента, сказал, что тот пойдёт добровольно. Что ж, по-тихому и добровольно не получилось.

– Поищи какие-нибудь документы и давай пошустрее, неизвестно надолго ли наш клиент отключился, – сказал Сим.

Рыжик беглым взглядом осмотрел маленькую квартирку. Увидел на столе бутылку с недопитым виски и рамку с фотографией какого-то мальчика облокотившегося на кирпичную стену, на которой баллончиками какой-то не особо талантливый художник нарисовал кривобокого сердитого Винни-Пуха, жадно слизывающего с лапы оранжевый мёд. Мальчик улыбался, но его лицо было бледное и осунувшееся, будто он только начал выздоравливать после тяжёлой болезни.

– Под столом какой-то чемодан или как там это правильно называется.

– Это называется дипломат, – буркнул Сим, нагибаясь за находкой.

Щёлкнули замочки.

– То, что надо, – сказал Сим, порывшись в содержимом дипломата. – Бери клиента под руки. Грузимся.

– Подожди.

Следуя слепому порыву, Рыжик взял со стола фотографию, вытащил её из рамки и бросил в дипломат к остальным бумагам.

2

Дюрана окружала тьма – космос, в котором забыли включить звёзды. Обычно говорят: так тихо, что слышно биение сердца. Тут было тише.

Он ничего не чувствовал. Тело будто растворилось, как сахар в горячей воде. Осталось лишь сознание, обременённое воспоминаниями о том, что когда-то у него были ноги, руки, плохо подвешенный язык... Он мог мыслить, но ничего не помнил о себе. Перед внутренним взором всплывали замысленные несвязные образы, доводящие до отчаяния попытки поймать за хвост хоть одну здравую мысль способную ослабить нити опутывающего его лихорадочного кошмара. Возникло острое ощущение, что кто-то пристально рассматривает его. Нужно было укрыться, спрятаться от любопытных невидимок. Сознание трепыхалось, не зная за что зацепиться, и медленно погружалось в зыбучие пески безумия.

Он не знал, сколько прошло часов... лет... когда прорезались первые звуки. Каждый звук отдавался эхом в его замороженном мире. Он не успел обрадоваться, что обрёл слух, как уже хотел оглохнуть вновь. Постепенно какофония тональностей начала приобретать упорядоченность, выстраиваясь в слова. А вскоре до него начал доходить их смысл.

***

В какой-то момент в темноте наполненной ватой, Антон начал различать голоса. Один из них он узнал сразу.

– Кого это вы притащили?

– Ездили проверять анонимный звонок. Взломали дверь, а он там уже вены режет, – ответил хриплый спокойный голос.

Антон почувствовал, как его хватают за запястья.

– Да? Вы на его руки смотрели? Где порезы? Безграмотные дуболомы!

– Не закипай. Мы свою работу сделали. Среагировали на вызов, обнаружили клиента в крови, обездвжили и привезли сюда. А чего он там резал – сами разбирайтесь.

– Анна, сделай ему анализы, на всё что можно. Этот ублюдок меня порезал. Вдруг он сифилитик или ещё похлеще, – раздался третий плаксивый голос.

– С твоим образом жизни, скорее ты его чем-нибудь заразишь. Не переживай, сделаем тебе сорок уколов в живот от бешенства. На всякий случай. Постойте... Я его знаю! Как же его... Антон! Он вчера приходил... – девушка запнулась. – Чего уставились? Давайте ближе к делу. Что вы ему вкололи?

В ответ тишина.

– Сим, ты опять за старое? Я тебя больше выгораживать не собираюсь. Будешь сам объяснять докторам, откуда у пациента синяки на лице.

Сим не считал Анну той птицей, перед которой нужно оправдываться.

– А чего объяснять? Скажу, так и было.

– Я тебе когда-нибудь так врежу, что твою ехидную рожу перекосит – мать родная не узнает. А если кто спросит, скажу, что так и было, – Анна раздражённо выдохнула. – Повнимательней с ним. Я думаю, что это не просто очередной пациент.

– В каком смысле?

– Вчера он напросился на консультацию к Хершу. Беседовали они достаточно долго. Не знаю о чём, но клиент остался доволен результатом. Улыбался до ушей, когда уходил, как шестилетняя девчонка, получившая на день рождение настоящего единорога срущего радугой. Интересно, что он наплёл директору, раз так быстро оказался здесь.

– Если это дружок Херша, то у тебя Сим точно будут проблемы.

– У меня? А ты что, Рыжик? Я, между прочим, твою шкуру спасал.

– Не факт, что была необходимость.

– В следующий раз, когда на тебя накинется какой-нибудь психопат, я так и рассужу...

– Заткнитесь! – рыкнула девушка и продолжила задумчиво: – Любопытно... Почему Херш просто не положил его в клинику. Зачем было делать анонимный звонок? Хм... Или это не связано?

Сим прекрасно знал, что никакого анонимного звонка не было. И ему было всё равно, кого он доставил в клинику.

Просьба директора выполнена, а остальное его не касалось.

– Анна, ты о чём? – с невинным видом спросил он.

– Я не собираюсь вам ничего разжёвывать. К тому же сама ничего толком не понимаю. Отвезите его на первичный осмотр. Пускай его оформят, вымоют и подлатают. Если начнёт очухиваться, вколите нормальный транквилизатор, – с нажимом произнесла Анна. – Хотя нет, сразу вколите.

– Да, хозяйка, – заискивающе прогнусавил Сим.

– Всё, пошли с глаз долой, клоуны.

Антон лежал на чём-то жёстком и холодном. Постепенно к его организму возвращалась чувствительность, но вместе с ней проснулись и не самые приятные ощущения. В правой ноге зарождалась тупая боль, саднила левая скула, в голове начали стучать барабаны. Резкий укол в руку, заставил Дюрана приоткрыть глаза. Он находился в ярко освещённой комнате, но видел только двух громил склонившихся над ним.

– Эй, оклемался, засранец, – сказал Рыжик. В руке он держал пустой шприц. – Это ненадолго.

Разговор Анны с санитарями наконец-то заставил мозг Дюрана работать и анализировать. Вспомнился вчерашний день, разговор и сделка с директором. Как и планировалось, он попал в клинику, но зачем было нужно устраивать весь этот цирк с санитарями.

Антон ужасно себя чувствовал. Его тошнило, то ли от выпитого вчера, то ли от удара головой о кулак. Скорее – от

всего в совокупности. Картинка кружилась, будто он нёсся на бешеной карусели. Ему казалось, что он вот-вот скатится со своего лежбища. У него не было сил терпеть всё это. В порыве слабости он решил отказаться от своей затеи, лишь бы кто-нибудь помог ему. С огромным трудом он прошептал:

– Позовите Херша...

– Мне показалось, или он пытается что-то сказать? – откликнулся один из санитаров.

– Что ты промышчал? – спросил Рыжик, склоняясь над Дюраном.

Антон не смог ответить. Начала действовать психотропная отравка, и он провалился в спасительное ничто.

Двумя этажами ниже коренастый кругленький мужчина с пышными седыми усами, как у заправского гусара, позвякивая тяжёлой связкой ключей, открывал двери морга. Петра Ивановича уже предупредили о накопившейся за ночь работе, что никоим образом не улучшало его и так поганое настроение. С определённой долей злорадства он смаковал различные матерные эпитеты, которыми наградит опаздывающих помощников.

За глаза Петра Ивановича прозвали трупоедом, потому что порой из морга бесследно пропадали мертвецы. Не всегда тела, за которыми не приезжали безутешные родственники, попадали в документацию кремационной бригады. Руководство, такое положение дел не беспокоило, но слава о патологоанатоме клиники ходила соответствующая.

Когда Пётр Иванович открыл дверь, на него буквально хлынула темнота, заточённая в прозекторской. Набросилась на него с отчаянным криком. Трупоед отпрянул, поскользнулся на непросохшем после утренней уборке полу. Поток брани, которую испуганный человек всегда генерируют с особой виртуозностью, оборвался одновременно с ударом грузного тела о мокрый кафель.

Пётр Иванович прижал правую ладонь к груди. В глазах потемнело. Сердце будто погрузили в миску с острым со-

усом табаско. Раскалённые гвозди боли прошили левую руку, заставляя пальцы судорожно скрючиться. Тело покрылось пленкой холодного пота. Трупоед уже пережил микроинфаркт три года назад и сомневался, что его потрёпанное сердце выдержит второй приступ.

Последним, что увидел Пётр Иванович, перед тем как лишился чувств, была согбенная голая тощая фигура с отвисшими ягодицами, медленно удаляющаяся по коридору.

Морф сидел на стуле рядом с кроватью пациента, который прибыл ранним утром, и ждал, когда тот оклемается. Судя по записи в медицинской карте, сейчас в его крови циркулировала изрядная доза транквилизаторов.

Морф посмотрел на соседнюю свежестеленную койку и вздрогнул, вспомнив налитые кровью глаза Старика. Не успело ещё тело пациента №3028 остыть на холодном секционном столе, как в его бывшие покои уже вселился новый постоялец. Свято место пусто не бывает. Хотя большинство пациентов, да и кое-кто из персонала скажут, что оно скорее проклято.

Морфу было вовсе не обязательно тут околачиваться, но у него сегодня было своеобразное посвящение. До которого, впрочем, никому кроме него не было дела. Этого пациента ему доверили вести самостоятельно – от и до. Давно пора. Ему надоело выглядывать из-за спин старших товарищей и с благодарным видом подбирать крохи знаний об излечении беснующихся душ, которые в большинстве случаев ограничивалась списком весёленьких таблеток. Совсем скоро он станет настоящим врачом, а не ординатором на побегушках. Морф был горд собой и хотел произвести хорошее впечатление на своего первого подопечного.

Он в который раз пробежался глазами по медицинской

карте пациента.

– Антон Дюран, что за дурацкое имя, – усмехнулся он.

– Имя нормальное, а вот из-за фамилии мне в своё время пришлось стерпеть немало насмешек. Одноклассники звали меня – Дюрка.

Морф удивленно поднял брови, увидев на лице пациента лёгкую улыбку, и что тот подсматривает за ним через щёлку неплотно закрытых век.

– Да... Я и имел ввиду... фамилию... – растерялся Морф. – Простите... Не ожидал, что вы так быстро очнётесь. Давно не спите?

– Какое-то время.

– Почему сразу не дали мне об этом знать? – Морф присанился и сделал вид, что делает какие-то важные заметки в карте Дюрана.

– Хотел убедиться, что вы не вколете мне какую-нибудь дрянь, как только я подам признаки жизни. Последнее моё пробуждение было не из лучших. – Дюран вспомнил, как проснулся, пытаясь удержать на плечах раскальвающуюся с похмелья голову, и добавил. – Впрочем, как и предпоследнее.

Антон собирался почесать щёку, но вместо этого устался на руки.

– Почему я привязан к кровати?

– Это обычная предосторожность. Мы не знали, в каком настроении вы придёте в себя.

Дюран выжидательно посмотрел на доктора и, не добившись никакой реакции, сказал:

– Настроение – высший класс.

– О, конечно, – спохватился Морф. Раз это его пациент, значит, ему и решать когда можно снять ремни.

Положив медицинскую карту на стул, он принялся освобождать Дюрана от пут.

– Меня зовут Андрей Палев, но мне будет приятней, если вы будете называть меня Морф. Я ваш лечащий врач и...

– Но мне обещали, что меня будет лечить доктор Кирцер, – потирая запястья, начал было Дюран, и запнулся, вспомнив об уговоре с Хершем.

– Кто вам обещал? – напрягся Морф, он не хотел упустить своего первого пациента. – Вы уже успели с кем-то переговорить? Но когда? Насколько мне известно, вы были в бессознательном состоянии с того самого момента, как вас забрали санитары.

Дюран приподнялся, подложил под спину подушку, почувствовал отвратительное головокружение. Противный комок дёрнулся в желудке. С трудом подавив желудочный оргазм, Дюран дождался, когда перед глазами выровняется картинка. В голове ползал маленький болезненный червячок. Как и много раз до этого Антон мысленно пообещал себе, что больше никогда не возьмёт в рот спиртного.

– Почему Морф?

– Что?

– Почему мне вас называть Морфом? Это прозвище или что?

Андрей нахмурился.

– Антон, вы понимаете, что для успешного лечения и скорейшего искоренения болезни между врачом и пациентом, то есть между мной и вами, должно быть полное взаимопонимание. Откуда вы знаете доктора Кирцера?

Антон раздражённо сморщился.

– Я и не знаю. Может читал о нём в какой-нибудь газете, или по телевизору видел. А может слышал разговор медсестёр или врачей, когда был в отключке, а имя запечатлелось на подкорке. Вы врач – разбирайтесь, Морф, – саркастически ухмыльнулся Дюран.

– Но вы сказали, что вам пообещали. Кто?

Дюран хотел состряпать страшное лицо и ответить что-то типа – голоса из под кровати или моя мёртвая болонка, приснившаяся во сне, но в этот момент дверь открылась, и вошёл санитар, ведя кого-то за собой.

– Давай двигай, Лазарь, блин.

Шаркающей походкой, одетый в чистый больничный халат в палату вошёл Старик. Под ошалелым взглядом Морфа санитар подвёл его к кровати. Старик послушно лёг и, накрывшись одеялом, отвернулся к стенке.

– Сосед? Это хорошо. Будет не так скучно, – подметил Дюран.

– Да, скучно точно не будет, – пробормотал Морф.

– Доктор, вам плохо? Как-то вы резко побледнели.

– Плохо? Да, немножко... Я к вам зайду позже, – ответил

Морф, поднялся и на плохо слушающихся ногах вышел из двести семнадцатой палаты.

5

На посту он нашёл Зою. По выражению её лица было видно, что девушка готова расплакаться. О причине её расстройства догадаться было не сложно.

– Ты тоже его видела? – бесцветным голосом спросил Морф.

Её глаза заблестели от подкативших слёз. Зоя всхлипнула и сдавленно прошептала:

– Его привёл санитар. У меня ноги подкосились, когда они вошли в отделение. Как такое возможно? – девушка озлобленно посмотрела на Морфа, и ударила его несколько раз ладонью по плечу. – Это ведь ты решил отправить его в морг.

– Но ты же сама видела, он был мёртв, – неуверенно произнёс Морф, отойдя на несколько шагов от рассерженной девушки.

– Был – не был... Я не знаю. У меня голова идёт кругом от этой дурацкой истории, но нужно смотреть фактам в лицо. А факты таковы – мы ошиблись.

Морф с теплотой отметил, что девушка говорит «мы», не сваливая всю вину на него.

– Старика нашли помощники трупоеда в коридоре морга, перепугались не на шутку. Поначалу они решили, что Старик готовится на них напасть: сжал кулаки, зарычал, но потом внезапно обмяк, расслабился и позволил им себя увез-

ти. Трупоеду повезло меньше.

– Что с ним? – спросил Морф. Ему тут же представилось толстое тело трупоеда с обглоданным лицом и потёки крови на стенах фонтаном бьющей из порванных артерий. Может кто-нибудь и сказал бы, что произошло божественное воскрешение, но в воображение Морфа рисовалась картина зомби-апокалипсиса.

– В критическом состоянии увезли в реанимацию. Похоже инфаркт, плюс кардиогенный шок. Пока не ясно удастся ли ему выкарабкаться. Похоже, он первый натолкнулся на Старика, выпустив его из прозекторской, – сказала Зоя. – Когда Старика проводили мимо поста, он посмотрел на меня. Его взгляд... Он стал другим. Осмысленный и осуждающий. Будто он винит меня в произошедшем. Мне страшно.

У Зои затряслись губы. Она поёжилась и внезапно уткнулась лицом Морфу в грудь. Он несколько опешил от такого порыва молодой медсестры, которая ещё минуту назад осыпала его ударами. Не больно, но от души. Морф не знал, как поступить. Так и стоять истуканом или обнять опечаленную девушку. Помедлив минуту, он провёл рукой по её длинным чёрным волосам и поинтересовался:

– У тебя есть парень?

– Нет, – Зоя перестала вытирать слёзы об его халат и посмотрела на Морфа влажными глазами.

– Почему? Дожидаешься своего принца? Как Ассоль ежедневно высматривающая корабли на горизонте. Но знаешь,

если просто сидеть и ждать у моря погоды, то рано или поздно к твоим берегам прибьёт обрывки алого паруса и куски раскуроченной палубы.

– Ты это к чему вообще? – Зоя раздражённо сдвинула брови и отстранилась от Морфа.

– Да так... Просто хотел пригласить тебя вечером в кафе, обсудить произошедшее. Хочу быть уверен, что если ты согласишься, потом не нарвусь на кулак твоего ревнивого ухажёра.

– Ревнивого ухажёра, как уже было сказано у меня, к сожалению, нет. И я соглашусь.

На лице девушки расцвела смущённая улыбка, которая тут же угасла, когда она увидела, кто к ним приближается.

– Вы двое, – Анна ткнула пальцем в их сторону. – Через полчаса Кирцер ждёт вас с объяснительной в своём кабинете. И не надо делать вид, что не понимаете о чём я.

Анна прострелила обоих обжигающе холодным взглядом и, подхватив со стола папку с назначениями, удалилась отдавать указания медсёстрам, заступившим на смену.

– Если не уволят, то премии точно лишат, – сказал Морф.

Зоя рассеяно пожала плечами, мысленно примеряя платье, пылящиеся дома в гардеробе. Внезапно молодой ординатор стал ей гораздо симпатичней.

Уткнувшись в стену, завернувшись в запятнанное одеяло, как в кокон, так что наружу торчала лишь бледная макушка, покрытая жидкими слипшимися клочками волос, Старик, не меняя позы, давил койку до ужина. Антон тоже лежал пластом, не решаясь подняться с кровати, его до сих пор мутило. Зато у него было время подумать.

Последний раз он находился в больнице в качестве пациента лет двадцать назад. Дюран уже не помнил, кто кого заразил, но тогда они вместе с братом, густо усыпанные зудящими волдырями, угодили в инфекционное отделение с тяжёлой формой ветрянки. Если не считать первые дни, когда он задыхался от жара, впечатления от больницы у него остались не плохие. Братишка никогда не давал ему скучать, на ходу придумывая новые игры и розыгрыши над сорокалетней стервозной медсестрой. Когда они уже готовились к выписке, брат красным смывающимся фломастером нарисовал на Антоне кучу точек, и со скорбным выражением на лице продемонстрировал своё художество медсестре. Та схватила за голову, наивно полагая, что это первый в истории случай повторного заражения ветряной оспой. Пока медсестра бежала по больнице, поднимая на уши разморённых после обеда докторов, все красные точки были поспешно стёрты. Антон до сих пор помнил её перекошенную физиономию. Он даже

на какое-то мгновение испугался, что её удар хватил. После она ещё долго ходила багровая от злости, стыда и осознания собственной глупости.

Дюран взглянул на ржавое пятно от протечки на потолке, на грязно-голубые стены пестрящие трещинами, на серое небо за зарешёченным окном и понял, что на особое веселье в этот раз рассчитывать не стоит.

Антон аккуратно дотронулся до скулы, куда ему заехал санитар. Он догадывался, что богатырей в комбинезонах за ним послал директор. А всё остальное чередой накладывающихся друг на друга случайностей, начиная от неудачно очутившегося на полу стакана и заканчивая неопытным птенцом, которому доверили набить на нём руку. И судя по всему, вмешиваться в сложившийся порядок вещей, директор не собирается.

Тем не менее, программа минимум выполнена. Ему нужно было сюда попасть – и вот он здесь. Что дальше?

Его тщательно разработанный план пошёл коту под хвост. Ещё сутки назад, он даже представить не мог, что обколотый успокоительным будет делить палату с безумным стариком. Сумасшествие какое-то! И где Кирцер? Впрочем, в данной ситуации то, что его лечит другой врач скорее удача. Антон не знал, как повёл бы себя, оказавшись сейчас с Кирцером один на один. Вряд ли он смог бы себя сдержать, и тогда точно не достиг бы своей основной цели. Цели, к которой стремится большую часть своей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.